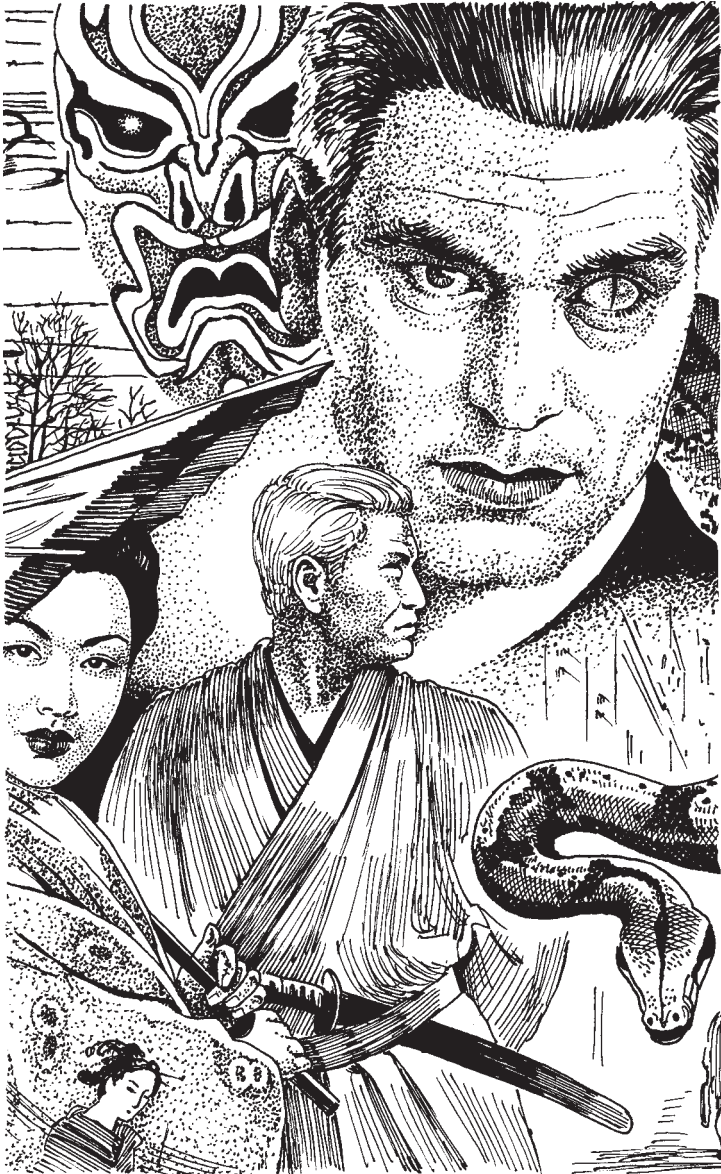

Надежда Первухина

Надежда Первухина

Имя для ведьмы

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

 Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГ»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П26

Рисунок на переплете
Л. Клепаковой

Иллюстрации
В. Успенской

Первухина Н. В.
П26 **Имя для ведьмы: Роман.** — М.: «Издательство
АЛЬФА-КНИГА», 2012.— 344 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1290-7

Известный писатель Авдей Белинский, его бывшая жена — ведьма Наташа, и молодая природная ведьма, которая еще только должна получить свое истинное имя. В общем, война между ведьмами до последней капли силы, и у каждой из них вполне серьезные союзники.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1290-7

© Первухина Н. В., 2003
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

«Она способна опустить небо и поднять вверх землю, иссушить источники, смести горы, вызвать духи умерших... Она может лишит силы богов, погасить звезды и зажечь саму Преисподнюю...»

Я захлопнула «Метаморфозы» Апулея, второй день изучаемые мною на языке оригинала, и с досадой уставилась на свое отражение в неработающем магическом кристалле. Отражение, в свою очередь, воззрилось на меня с нескрываемым отвращением.

— Не вздумай корчить гримасы, — сурово предупредила я его. — А то отдам обратно в эзотерический магазин. У них на кристаллы два месяца гарантии.

Отражение сникло. Его (точнее, меня) можно понять. Сколько ни читай первоисточники, силы и таланта это не прибавит. Только в очередной раз поймешь, что до описываемого профессионального эталона тебе ох как далеко...

Да, я ведьма. Природная. Разумеется, вас это не удивляет. Современный человек относится к таким заявлениям вполне толерантно. Ведьма? О, в вас есть природная эксцентричность и оригинальность! Ясновидящая? Итс бьютифул! Экстрасенс, телепат? Контрамарочку на ваш сеансик не дадите? Это в Средние века (однажды каким-то не бывавшим там идиотом названные темными) к ведьмам относились соответственно. И правильно делали, особенно если речь шла об истинной ведьме. Настоящей. Такой, что и горы сдвинет, и всю преисподнюю подымет. Странно слышать такие заявления от ведьмы? Окажись вы в ситуации, в какую угораздило попасть меня, вы бы еще не то заголосили. Особенно если вспомнить, кто

стоит на моем пути... Нет, так повести не пишутся. Нужно обо всем по порядку.

Если говорить о таком понятии, как «ведьмин род», то к развесистому генеалогическому кустарнику нашего семейства оно вряд ли применимо. Впрочем, к стыду своему, я не очень хорошо знаю историю своего семейства. Знаю лишь, что среди моих предков имелись в основном посконные крестьяне Сольвычегодской губернии, одна сельская учительница с несостоявшейся личной жизнью, председатель колхоза «Алый луч», новаторы, доноры и, наконец, знатные доярки. Трудно представить, чтобы моя бабушка Полина (как раз из тех самых знатных доярок) устраивала шабаши за коровником или привораживала пьяных механизаторов с помощью эссенции из собачьей крови и лягушачьей икры. Правда, ее, эту мою бабушку по материнской линии, считали женщиной с дурным глазом. Это я узнала еще ребенком, когда приехала на летние каникулы отдыхать к бабушке Полине в деревню. Мне было тринадцать лет, я впервые поцеловалась с Димкой из десятого «А», с собой в деревню привезла потрепанную книжку Михалины Вислоцкой «Искусство любви» и французский купальник, и поэтому мои поселковые подружки сочли меня «своей», человеком знающим и в какой-то мере опытным. Михалину Вислоцкую мы, правда, вскоре забросили в курятник, потому как читать ее было скучно и непонятно, а картинки, тыщу раз с хихиканьем пересмотренные, тоже надоели. Деревенские мальчишки интересовались исключительно рыбалкой, тяжелой судьбой непобедимых джедаев и новой версией тетриса, поэтому нам ничего не оставалось, как собираться по вечерам в сарае и, зарывшись в душистое сено, рассказывать страшные истории про зеленые глаза на стене и черный-черный утюг в туалете.

Вот тогда-то, между разговоров о колдовстве и нечистой силе, я и узнала от девчонок, что мою бабушку Полину в деревне считают *глазливой*... Разумеется, я в это не поверила и все разговоры о том, что моя веселая толстощекая бабулечка может сглазить либо навести порчу, считала несе-

рзными. Но, как понимаю теперь, слова эти все-таки имели под собой основание.

Однажды я стала свидетельницей бабушкиной горячей полемики с соседкой Дусей по поводу соседкиного же козла, нашкодившего в нашем парнике. Дуся преступление козла яростно отрицала, и бабка, утомившись предьявлять ей зримые доказательства козлиной вины, в сердцах сказала:

— Все-то ты видела, соседушка, все заметила! Хороши у тебя глазки, далеко глядят! Чтоб тебе и дальше так гляделось!

Вечером того же дня под глазом у соседки надулся чудовищный чирей, который пришлось долго лечить. Когда я рассказала об этом поселковым подружкам, те прошептали, что моя бабка сглазила свою врагиню.

Конечно, теперь я понимаю, что примитивный, так называемый органический, сглаз, или *оговор*, может навести любая женщина, окажись она в гневе либо в сильном раздражении. А вот сглаз долговременный, аналогичный порче, требует уже некоторых магических усилий...

Да, так вот, росла я девочкой обычной, предметы взглядом не воспаляла, облака руками не разгоняла, сквозь стены не проходила, внешностью обладала хоть и симпатичной, но отнюдь не инферальной. Единственным отклонением от нормы было небольшое утолщение над копчиком, которое педиатр еще в пору моего детства объявил недоброкачественным рудиментом и посоветовал сделать операцию. Мама вняла совету, и именно ей я обязана тем, что у меня, в отличие от всех природных ведьм, нет хвоста. Кроме того, моей «ненормальностью» были странные сны, где огромные драконы кружили над выжженной вересковой пустошью, в старинных замках устраивали пиршество вампиры, а по освещенным луной лесам мчались вервольфы. Но этим снам я не удивлялась. Почитаешь Сапковского или там Перумова — еще и не то приснится.

А читать я любила! Во всех библиотеках нашего небольшого городка я была завсегдаем, способным с закрытыми глазами и на ощупь определить, что за книга лежит передо мной. И не зайти я однажды в библиотеку на Ти-

хой улице, возможно, мои ведьмовские способности так и остались бы нераскрытыми.

Это была поистине *странная* библиотека. И хотя на старых деревянных стеллажах с массивными толстыми полками стояли обычные книги, я отчего-то всем своим естеством ощущала, что здесь все не так, как в обычном книгохранилище. Позднее мои ощущения подтвердились.

Кроме того, я встретила в библиотеке Баронета.

Мне тогда едва исполнилось восемнадцать, я уже успела лишиться девственности, испортить дешевым шампанским свое выпускное платье и не знала, в какой институт поступать. Я как раз поссорилась со своим очередным прыщавым воздыхателем, разочаровалась в любви, жизни и мужчинах, и у меня была масса времени, чтобы сидеть в библиотеке возле полки с рыцарскими романами. Там-то меня и нашел Баронет. О, разумеется, он представился *внешним именем* — Калистрат Иосифович Бальзамов, доктор исторических наук, бакалавр практической этнографии и скромный библиофил. Девушка интересуется средневековым мистическим романом? О, как мило. А знаете, Вика (вас ведь, кажется, зовут Вика, какое славное имя!), одно время я коллекционировал книги мистического и даже оккультного направления... Есть неплохие экземпляры. Не угодно ли посмотреть, я живу недалеко...

Девушка (то есть я) согласилась, находясь под впечатлением глубокого бархатистого голоса, пронзительных глаз и профессорской бородки клинышком. Правда, я пролепетала что-то о родителях и походе в магазин, но ноги в модельных туфлях уже вели меня в квартиру профессора. Номер квартиры, кстати, был пятидесятый.

Если вы думаете, что хитрый стареющий распутник, воспользовавшись моей девической наивностью, заманил меня в квартиру и обесчестил, вы ошибаетесь. В тот момент я не интересовала Баронета как сексуальный объект. Он увидел во мне другое, то, чего еще не видела я. И понял, что надо раскрыть это во мне. Ведь ведьмами не становятся, сколько бы ни говорили о передаче дара или магических школах... Ведьмой все-таки надо родиться. Это как голос или музыкальный слух. Он уже есть, и нужен то-

лько хороший специалист, который и вырастит при помощи нехитрых экзерсисов из гадкого утенка Монтсеррат Кабалье. Баронет и был тем самым специалистом, он, как признался позже, давно почувствовал шедший от меня флюид и решил, что со временем я стану неплохим образчиком в его inferнальной коллекции. В его квартире я сразу прикипела к шкафу с редкостными фолиантами — старопечатными, переплетенными в почерневшую от времени кожу...

— Поосторожнее с ними, — усмехнулся Калистрат Иосифович, наблюдая за тем, как я раскрыла экземпляр «Призывания духов» Лайонелла Скиллера. — Это *не только книги*. В них есть Сила...

— Я знаю! — вызывающе ответила я и в тот момент поняла, что действительно *знала*. У меня было ощущение, будто я — многоопытная, познавшая тайны Добра и Зла, могущественная и непобедимая — встретила с той, какой представлялась окружающим... Мне вдруг стало невероятно легко и бесшабашно-весело. Я с силой захлопнула книгу и расхохоталась. Зачем произносить эти смешные заклинания? Да для того, чтобы вызвать служебного духа, достаточно...

Посреди комнаты полыхнуло синее пламя, и за клубился густой дым. Калистрат Иосифович приглушенно вскрикнул и забормотал что-то на непонятном языке. А я, ошеломленная, успела увидеть в дыму отвратительную морду с ярко-алыми глазами и понять, что честь ее вызова принадлежит мне. Это видение длилось мгновение, а затем, после резкого выкрика Баронета, исчезло.

— Неплохо, — переводя дух, сказал мне Калистрат Иосифович. — Однако всему свое время, девочка. Научись сначала чувствовать себя ведьмой, а уж потом... колдуй.

— Я — ведьма? — глупо переспросила я и услышала в ответ иронический вопрос:

— А тебя это не устраивает?

— Да в принципе ничего... — нервно рассмеялась я. — Профессия как профессия, не хуже любой другой. Хотя вообще-то я мечтала стать библиотекарем.

Баронет внимательно посмотрел на меня. Только тут я заметила, что глаза у него разные: один глаз — человека, а другой — змеи.

— Быть ведьмой — это не профессия, а Ремесло — мягко пояснил он. — Это твое Истинное Лицо. Кстати, хочешь посмотреть?

Он повернул меня лицом к большому овальному окну, за которым сиял день, пробормотал нечто вроде «трансцендентальная апперцепция» и взмахнул рукой. И окно превратилось в зеркало. Из него на меня смотрела я, но только другая — с развевающимися длинными волосами, горящими нестерпимым голубым светом глазами и фигурой, способной лишить профпригодности всех манекенщиц мира.

— Это я?

— Это твое Истинное Лицо. Та, какой ты станешь. Должна стать.

Я вгляделась в свое отражение повнимательнее и поняла, *что* в нем не так. Глаза. Они, казалось, знали все и все ненавидели. Эта ненависть была такой лютой, такой осязаемой и материальной, что ее можно было разливать по бутылкам, как вино. И она, эта красотка, больше всего ненавидела *меня!*

Я задохнулась от злости и, подскочив к зеркалу, что было силы ударила кулаком по презирающим меня голубым глазам. Мэтр даже не успел меня остановить, зазвенело стекло, и я очнулась. За разбитым окном была все та же улица, а на руке из глубокой рваной царапины у меня текла кровь.

— Горячая девочка... — тихо, почти нежно прошептал Баронет и, взяв мою ладонь, прильнул губами к кровоточащей ране. Его острый, слегка раздвоенный на конце язык щекотнул саднившую кожу. — Я в тебе не ошибся...

С тех пор прошло шесть лет. Не думайте, что я провела их, только и тренируясь в произнесении заклятий, наведении порчи, ворожбе и регулярных полетах на шабаш, хотя все это имело место при попустительстве и неусыпном наблюдении Калистрата Иосифовича. Родители отправили

меня в Петербург, откуда я вернулась младшим научным сотрудником и устроилась работать в ту самую библиотеку на Тихой улице. В ней все было не так, как в обычных скопищах нечитаемых книг, которые никак не удосужатся отправить в макулатуру. Днем в библиотеке паслись организованные стада поклонников Фандорина, Бешеного и неистойвой Анжелики, доводя моих коллег до состояния тихого книгоненавистничества, а ночью... Ночами (когда наступало полнолуние) в библиотеке кипела иная жизнь. Я, распрощавшись с дневными коллегами, устраивалась поудобнее за кафедрой, включала компьютер, вводила одной мне известный пароль и ждала прихода *визитеров*.

Ничего удивительного. Представителям... м-м... магического большинства тоже нужно читать. Хотя бы литературу по специальности. Классику жанра. Ну хоть «Молот ведьм», к примеру. Либо «Демономанию» Бодена, без которой ни одному уважающему себя демо- либо ведьмологу лучше и не браться за изучаемый предмет. Я уж не говорю про те книги, которые являлись настоящим практикумом для любителей колдовства. Впрочем, это еще не самое интересное. Больше всего меня потрясло то, что некоторые книги в полнолуние полностью меняли свой текст! Книги-оборотни — вот как я их называла.

На самом деле таких книг не так уж и много. Но те, что есть, потрясают воображение неожиданно возникающим поверх полиграфического *истинным текстом*. Например, «Манифест коммунистической партии» в полнолуние становился чудовищным по своей похотливости трактатом «О соитии с призраками, бродящими по Европе», а вполне респектабельные рассказы о Шерлоке Холмсе превращались в «Полное собрание заклятий, приводящих мужчин к половому бессилию», издания 1674 года. Самыми забавными, впрочем, были песенники. Во всяком случае, одну песенку я неплохо помню:

Задремал во гробу вурдалак красивенький.
Ох, привольно лежать посередь могил!

Не вбивай ты ему колышек осиновый,
Он ведь вдоволь еще кровушки не пил!

Привет:

А за окном гудит шабаш,
Как ни живи, ты будешь наш!
Мы так близки, что жуть берет,
Гуляй, полуночный народ!

И далее в том же духе... Кстати, о вампирах. Среди полуночных посетителей их было немало. В силу врожденной интеллигентности они безмолвно листали «Прожектор оккультизма» в читальном зале и не скалили зубы на проходящих. Трудней всего работать с оборотнями — они вечно заняты, шатаются по полям-дубравам и забывают возвращать книги в срок. Но, разумеется, элитарной частью нашей читающей публики были колдуны. Варлоки.

Единственным, кто не появлялся в ночной библиотеке, был Баронет. Не было и его данных в компьютере, потому я не могла определить, кто он — маг, оборотень, вампир, кобольд? Но кто бы он ни был, я чувствовала постоянно его незримое, но пристальное внимание к своей особе. Особенно тогда, когда практиковалась в магии.

Возвращаясь к тому моменту, с коего и началось мое повествование, сознаюсь, что ведьма из меня аховая. Но это пока. Что с того, что мне лучше всего удастся лишь трансфигурация (в основном в крыс либо синиц)? Вот с обрядами вызова служебных духов или неупокоенных душ, лишенных христианского погребения, сложнее. А наведением мора на домашний скот и импотенции на мужчин я предпочитаю не заниматься — неэтично. Это неврастенические дамочки, начитавшиеся бездарных книжонок типа «101 совет по привороту и снятию венца девственности», мнят себя прямо-таки ворожеями и каждый свой взгляд трактуют как сглаз, а каждый взмах рукой — как пасс. Навивные! Быть ведьмой — не обязательно колдовать, точно так же как быть птицей — не обязательно летать. Спросите страуса, он согласится с этой фразой. Впрочем, спокойное осознание того, что все-таки в любой момент ты можешь продемонстрировать свою Силу, очень греет душу. Осо-

бенно когда в очередное полнолуние выбираешься на шабаш.

Традиционно правилом хорошего ведьмовского тона считается прибытие на шабаш на метле. Форма одежды при этом — минимальная. Относительно обнаженности я никогда не испытывала особых комплексов, а вот трястись на неудобной метле, со всех сторон обдуваемой так, что рискуешь схватить пневмонию или цистит, — уж увольте! Я предпочитаю пользоваться услугами такси службы «Антессер»...

РЕКЛАМНАЯ ПАУЗА

Такси «Антессер». Качественно, комфортно, недорого! Оперативно доставим на Брокен, Лысую гору. Шоп-туры за магическими зельями в Альпы и Гималаи. В канун Вальпургиевой ночи скидка 5%, непосредственным участницам — бесплатно. Тел. (666) 666-66-66.

Шабаш — это не оргия и не пьянка. Во всяком случае, не только. Шабаш — это возможность общения с коллегами по Ремеслу, обмен опытом и, главное, демонстрация своих профессиональных достижений за истекший период. Так сказать, отчет о проделанной работе. К тому же у ведьм появляется хороший повод похвастаться новоприобретенными заклятиями, результатами пластической операции или диеты...

Ведьма — она ведь тоже женщина, и поэтому ей иногда просто необходимо хоть ненадолго отдохнуть от суетливо-шумных, пыльных улиц мегаполисов, или провинциальных городков, либо забытых цивилизацией сел. Может, кто-то и думает, что современная ведьма живет в условиях постоянной экзотики, осыпана всеми мыслимыми жилищными и материальными богатствами. На самом деле такое в ведьмовской среде редко случается. И ведьмам приходится жить и довольствоваться тем же, чем и простым смертным: отключенными лифтами, темными переулками (просто какая-то шпана опять переколотила фонари, а каждый раз наколдовывать лампочки — себе дороже), вонючими помойками, благоухание которых в

жаркую погоду доводит до депрессии, и, наконец, комарами, от которых не спасают никакие заклятия. Не знаю, где как, а у нас в России ведьма не застрахована ни от поломки сантехники, ни от капризов слесаря, который эту самую сантехнику зайвится чинить. Может, колдуньям племени уцлишучетлауруруаха повезло в плане унитазов и слесарей больше, зато навалом других проблем: пыльные бури, скорпионы, снижение поголовья кенгуру и неожиданная потеря потенции вождем племени.

В ночь шабаша ведьма наконец может забыть и про комаров, и про города с помойками, и про протекающую ванну в собственной квартире. Ее ждет гора, как когда-то Наташу Ростову ждал ее первый бал. Гора (либо любое всхолмие, которое ведьмы решили на время сделать достойным шабаша) старательно приуговется к торжеству специальными чародейками из оргкомитета. Разрабатывается примерный план мероприятий, концертная программа, меню (все сценарии проверяются лично Козлом, руководителем действия, без его директивы шабаш вообще может не состояться)... В последние несколько лет стало модным украшать гору от основания до вершины цветными, светящимися в ночи китайскими фонариками. А над Замок Козла, где всегда происходят главные торжества шабаша, специалисты по наведению мороков выпускают ало-золотых, изумрудно-серебристых, сиренево-туманных драконов, почти неотличимых от настоящих. Практика приглашения реально существующих драконов на ведьмовские шабаша как-то не прижилась. Видимо, потому, что драконы слишком много едят. И процесс метаболизма у них практически перманентный. А заниматься разгребанием драконьего навоза в ночь, когда хочется просто отдохнуть, выпить, потанцевать, — невероятное кощунство!

Как правило, на простой шабаш съезжаются не все без исключения ведьмы, а только те, кто испытывает в том насущную потребность и не особенно занят какими-нибудь делами по дому. Особенно это касается замужних ведьм. Попробуй-ка полетай на шабаш, когда у тебя то белье не стирано, то мужнин застарелый остеохондроз требует не-

медленного массажа, то умница-дочка принесла полон дневник двоек и надо идти краснеть на педсовете, борясь с желанием превратить всех этих педагогов в аквариум с рыбками...

Да и как жить, вечно таясь от любимого супруга, страшась признаться в том, что ты ведьма?.. Постоянно быть в напряжении из-за того, что он или под заклинание какое-нибудь попадет, или по пьянке вылакает хранящееся в холодильнике зелье, предназначенное для безболезненного лечения деликатных дамских немощей... Вот во избежание подобных случаев я постараюсь никогда не влюбиться так, чтобы захотеть выйти замуж. Однако лучше я вернусь к теме Прекрасной Ведьмовской Ночи!

Когда я в нынешнем году явилась на шабаш, то с удивлением обнаружила, что здесь оказался весь колдовской и inferнальный бомонд. В воздухе, помимо серы и элитных духов, пахло какими-то новостями. Пожилые, уважаемые ведьмы носились как девочки и пили шампанское прямо из бутылок. Молодые ведьмочки вроде меня, собравшись стайкой нудисток-манекенщиц на пушистых ковриках (ими была устелена вся гора), что-то оживленно обсуждали, не обращая внимания на пылкие заигрывания перевозбужденных инкубов.

— Благословенна будь, в чем дело? — обратилась я к очаровательной чародейке лет пятнадцати, увлеченно оплетававшей золотыми лентами рога своего козлоногого бойфренда.

— Ты что, с луны низверглась, благословенна будь? — удивилась чародейка, а бойфренд даже приподнял голову над ее бедрами. — Нынче же Ночь выбора Госпожи!

Тьфу ты, как же я забыла... Та самая ночь в году, когда Повелитель Тьмы избирает из всех ведьм, чародеек и колдуний Госпожу, стоит всех шабашей, вместе взятых. Та, которая стала Госпожой, является повелительницей всего колдовского мира, носительницей высшего суда и неограниченной власти. Пусть даже эта власть дается всего на год, но ведь и за триста шестьдесят пять дней можно такого наворотить... Неудивительно, что все ведьмы в сборе.

Каждая мечтает о такой славе. Даже я, со своим незначительным талантом.

Я посмотрела на юную чародейку. Вот ей сейчас важен только секс в неограниченном количестве. Правильно, стать Госпожой всегда можно успеть, и к тому же хороший секс никогда не бывает лишним.

— Пойду посмотрю на церемонию Представления Бафомету, — сказала я. — Извини, что оторвала тебя...

— О-о, не извиняйся, а лучше присоединяйся! — страстно прохрипела чародейка (ее, часом, не Лолита звать?), оседлав бойфренда. — Он такой сильный и большо-о-ой! Никакой мужчина не сравнится!

— Нет, я пойду, — непреклонно ответила я и поторопилась убраться подальше. Вот не люблю я inferнальный секс, чем, возможно, разительно отличаюсь от своих сестер по Ремеслу. Попробовала раз-другой — не понравилось. Уж отдаваться, так только мужчине и только по любви. Большой.

Как известно, шабаша традиционно проводятся на какой-нибудь горе, заслужившей дурную репутацию. Так считают непосвященные, на самом деле репутация горы не имеет ровно никакого значения. Но собственно на горе проходит только неофициальная часть шабаша (выпивка, секс, танцы). Все серьезные мероприятия проводятся в Замке Козла, силою магии воздвигающемся над ведьмовским алтарем. Туда, под сияющие золотом, изумрудами и рубинами своды, я и поспешила в толпе прочих гостей. Обстановка, как всегда, потрясала воображение полным отсутствием художественного вкуса. Подвесные потолки были оклеены стодолларовыми купюрами и банковскими карточками VISA. На стенах между тяжелыми хрустальными светильниками красовались гигантские, ручной работы, гобелены, изображавшие вырезанные цензурой сцены из фильмов «Эммануэль», «9¹/ недель», «Основной инстинкт» и «Мимино». В кадках стояли пальмы, с их резных листьев свешивались змеи, шипевшие похабные анекдоты про Штирлица. Между кресел и столиков, расставленных как в ресторане, били фонтаны из небольших бассейнов, обсаженных штокрозами.

— Небось опять в фонтанах не шампанское, а «Клинское», — под нос пробурчала идущая рядом со мной пожилая ведьма. — Скупердяди наш Козлище, аденома ему в уд!

Народ рассаживался за столиками, при этом стремясь быть поближе к импровизированной сцене, задрапированной алой парчой и черным бархатом со стразами. На сцене стояло обычное кожаное кресло. Правда, кожа на него пошла человеческая. Кому-то не повезло. Возле сцены разместился небольшой оркестр, музыканты которого были обряжены в камзолы и пудренные парики. Впрочем, это не мешало им вовсю наяривать ритм-энд-блюз. Хозяина торжества еще не было. Ну разумеется. Он прибудет ровно в полночь. По местному времени.

Я уселась за столик справа от сцены и заказала официанту мартини и простенький банановый салат. Не люблю думать о том, что деликатесы, которыми всегда изобилуют подобные мероприятия, на самом деле какая-нибудь отвратная мерзость вроде конской спермы или мышинового помета. А бананы — они везде бананы, проверенный факт.

— Не занято, сестра? — Возле столика остановилась высокая брюнетка с потрясающей грудью, эффектно татуированной знаками каббалы.

— Нет, прошу.

— О, ты тоже из России? Тогда познакомимся! — Она уселась, закинув ногу на ногу, и я увидела туфли, о которых могла только мечтать. — Наташа.

— Благословенна будь, Наташа. А я Вика.

— Благословенна будь, Вика, хоть я и не люблю этого старого приветствия. Что мы, старухи из горной деревни? Ну что, выпьем за знакомство?

Тут как раз официант принес мой заказ. Увидев Наташу, он вытянулся по струнке и едва не уронил поднос.

— С-счастлив видеть вас, несравненная, — пролепетал он.

Наташа смирила его *взглядом*.

— Поставь поднос, уронишь, — не разжимая губ, процедила она и, обращаясь ко мне, уже другим тоном: — Ты заказала мартини? И... *банановый салат*? У тебя что, проблемы со здоровьем?

— Нет, а почему, собственно...

— Два коктейля «Коитус», трепангов в глине и бифштекс с кровью. Кровь отдельно, — скомандовала Наташа, и официант испарился, будто его и не было. — Сестричка, коктейль рекомендую. Коньяк, текила, денатурат и капелька серы. Настоящий взрыв вкуса!

Официант материализовался и выставил на стол заказ. На меня он даже не смотрел и чуть не опрокинул мой бедный салатик.

— Что еще угодно госпоже? — прошептал он, умоляющим взором созерцая прелести моей новой знакомой.

— Туфли мне оближи. — Она расхохоталась, когда бедолага и впрямь бросился на колених выполнять ее приказ. — Да пошутила я! Поди прочь! Смешной мальчишка, развлекался с ним как-то, до сих пор находится под впечатлением. Ну, выпьем!

Она лихо опорожнила высокий бокал с коктейлем, крикнула и принялась за бифштекс, приговаривая, что это и есть настоящее питание для ведьмы. Я едва пригубила содержимое своего бокала и горько об этом пожалела. Вы когда-нибудь пили расплавленный свинец? Так вот, свинец гораздо приятнее.

Наташа меж тем разделалась с бифштексом, а я пыталась при помощи бананов восстановить свой пошатнувшийся кислотно-щелочной баланс.

— Нравится мне здесь, — сказала Наташа, вальяжно раскинувшись в кресле и доставая из инкрустированной бриллиантами сумочки платиновый портсигар. — Куришь?

— Нет.

— Зря. — Она затынулась сигаретой. — Ты, наверное, из какой-нибудь глухой провинции...

— Почему ты так думаешь? — чуть нахмурилась я.

— Ты ведешь себя, как скромница, которая боится на приеме у гинеколога ноги пошире раздвинуть. Здесь же полная свобода! Красота! Магия! Я жить не могу без шабашей!

— Просто мне они уже успели наскучить. Всегда одно и то же. Бездарное веселье и непродуманная организация

официальной части. Ты заметила, что в последнее время не было ни научных докладов, ни даже интересных сплетен.

— Фу, это же скука смертная!

— Пить просто так еще скучней. Пьешь-пьешь, а потом возвращаешься домой с дикой головной болью...

— И не можешь вспомнить, со сколькими ты развлеклась?! Ха-ха-ха! Понимаю, сама такая. Но в одном ты не права, сестричка. Сегодня не простая Ночь. Сегодня наш Козел изберет Госпожу.

— Да... — протянула я. — Как-то не верится, что столь могущественной Госпожой может стать любая...

Наташа посмотрела на меня высокомерным взглядом:

— Любая? Госпожой стану я! За это я ни перед чем не остановлюсь, поверь мне!

Я пожала плечами:

— Желаю тебе успеха в том, Наташа.

Оставшуюся до полуночи четверть часа мы провели в ничего не значащих беседах, не затрагивающих щекотливой темы Выбора. Наташа оказалась ворожеей из Москвы (то-то по повадкам она сразу мне показалась столичной штучкой). Колдовством она увлекалась хоть и недавно, зато перечитала все доступные оккультные книги, вела обширную переписку с ведущими колдунами мира и несколько раз ездила на стажировку в Иствик и Челмсфорд. Она считала себя очень могущественной ведьмой, и я не стала ее в этом разубеждать. Не хватало нажать себе врагиню... Хотя я-то уж точно знаю, какие ведьмы получают-ся из *ученых*. Разница между природной ведьмой и ученой примерно такая же, как между женщиной и резиновой куклой. Ну, может, поменьше. Хотя, признаюсь, многие самоучки достигают больших успехов, нежели мы, магической природой одаренные лентяйки. Интересно, как у Наташи с предсказанием погоды? Я метеорологией не увлекаюсь. Вот что сделала бы сейчас с истинным удовольствием, так это превратилась бы в самку енота-полоскуна и отправилась побродить где-нибудь в глухом, девственном лесу, травку собирать. Не ту, что вы подумали.

Но трансфигурацией уже некогда (да и нельзя) было

заниматься. Ибо стрелки на огромном малахитовом циферблате, висевшем над сценой, показали полночь. Оркестр встал и заиграл гимн «Наш Козел в тумане светит». Вслед за оркестром поторопились встать и мы, громкими рукоплесканиями приветствуя высокого, идущего на задних ногах Козла с надвинутой на рога блестящей короной. В руке (руки у него были человеческие) он сжимал мобильный телефон и нервно орал в трубку, поднося ее к уху:

— Че ты гонишь, какие бабки?! Я, в натуре, все налоги проплатил, спи спокойно! Так, партию душ бери оптом, крутой товар. Мне пятьдесят процен...Че?! Ты базар-то фильтруй, я за двадцать пять процентов перед тобой раком стоять не буду! Все, отбой, а то тариф ночной, деньги капают.

Наконец он уселся в кресло и махнул рукой.

— Садитесь и благословенны будьте!

— Благословен будь, наш господин и повелитель!— взревел зал. Наиболее впечатлительные ведьмы забились в экстазе. Наконец в зале установилась тишина, нарушаемая лишь легким звоном бокалов и шагами официантов. Все ждали, что скажет повелитель. И он сказал:

— Мои драгоценные вершители зла, самоучки черных дел, вносители смут, проклятые и убитые! Радуетя, в натуре, сердце мое, ибо нас становится все больше и больше, особенно благодаря творчеству писателей-фантастов! Мы конкретные и по понятиям бойцы невидимого фронта, чей бой длится в веках, и нам рано опускать оружие и бросать понты. Но сегодня у нас особенная встреча. Я сегодня избираю ту, которой на целый год вручу Жезл Власти и нареку Госпожой. Внесите Жезл!

Два облаченных в смокинги кобольда внесли на сцену рубиновый поднос, на котором лежал Жезл, окруженный радужным магическим сиянием. По рядам прошелестел вздох завистливого восторга. Козел взял Жезл и встал с кресла.

— Взываю к духам четырех стихий! — громогласно запричитал он и начал чертить в воздухе замысловатые фигуры. — Взываю к Двенадцати, которые держат во власти небосвод. Взываю к Лавею, Боневицу и Ассахаре — убой-

тес и воззрите! Белладонна, пустырник, курослеп!
Ан-наша, ан-наша, ан-наша!

Перед говорившим соткалось из воздуха призрачное подобие женской фигуры.

— Зрю тебя, зрю! — завопил Повелитель мух. — Изреки свое Ведьмино Имя!

Весь зал накрыло мертвой тишиной. Все ждали, какое Имя прозвучит. Я ощутила, как нервно задрожали руки: а вдруг это будет мое... Хотя нет, я ведь еще не инициированная ведьма. У меня нет Имени. Потому и нет настоящей Силы.

— Омела Салемская! — тихим голосом провецал призрак и тут же рассеялся. А за соседним столиком, опрокинув кресло, нервно вскочила дородная, с длинными рыжими волосами ведьма и бросилась к сцене с воплем:

— Это я, господин!

— Виват!!! — заревел зал, приветствуя новую Госпожу, которая, вне себя от восторга, уже приняла Жезл Власти и корону. Но я не смотрела на Омелу Салемскую. Я смотрела на Наташу, с ужасом наблюдая происходящие в ней метаморфозы. Услышав имя другой претендентки, Наташа побледнела, а ее гордый и самоуверенный взгляд сменился взором такой неистовой ненависти, что даже мне стало не по себе. Московская ворожея смяла в руке свой платиновый портсигар, словно лист бумаги, и затряслась от ярости. Я перевела взгляд на ее ноги и тихо ахнула: она начала трансфигурацию! Ноги, которым позавидовала бы Линда Евангелиста, превращались в чешуйчатый хвост огромной змеи... Еще минута — и эта аристократка с шипением кинется на всех, кто встанет на ее пути!

Только она не успеет. Закон шабаша суров — во время сего мероприятия ведьма не имеет права превращаться. Нарушительницу ждет немедленная смерть. Не только человеческая, но и ведьмовская, после которой оживление невозможно. И если сейчас увидят, как Наташа превращается... если я не успею ее остановить... что же ты делаешь, идиотка, ведь у меня же нет должной Силы!!!

Я схватила серебряный поднос со стоявшими на нем пустыми бокалами и с силой опустила на голову Наташи.

Та истошно взвизгнула, дернулась как от удара током и обмякла в обмороке. Чары распались, и я с удовлетворением отметила, что ниже лобка Наташа снова стала женщиной. Надеюсь, никто не заметил этой сцены. Не хотелось бы, чтобы кто-то задавал мне бестактные вопросы типа: «А зачем это ты ее бьешь, сестра?»

Нас действительно не замечали, ибо разгул в честь новообретенной Госпожи принимал все более оргиастические формы. Коньяк и шампанское лились рекой, некоторые столы уже превратились в ложа бурной страсти, зал наполнился стонами и пьяными песнями. Козел и его протеже наблюдали за всем этим с нескрываемым удовольствием.

Наташа медленно пришла в себя.

— Что со мной было? — слабым голосом спросила она.

— Извини. Ты начала превращаться, мне пришлось остановить тебя.

Ее зеленые глаза мгновенно вспыхнули яростью.

— Как ты посмела?! Зачем ты...

Вот так. Все они, ученые, такие. За твое добро тебя же и по морде бьют.

— А ты предпочла бы, чтоб тебя дважды умертвили за нарушение Кодекса ведьм? Тебе так недорого твоя жизнь?

Наташа сникла.

— Жизнь — ничто, если не имеешь власти, — прошептала она. — Я так стремилась... так мечтала... Я была почти уверена!

Да уж, кому что. Кому сладострастие, кому власть над миром. Я на мгновение задумалась: а чего бы я так страстно домогалась? Да, пожалуй, и ничего на данный момент. Правда, семитомник «Все волшебные травы» мне бы не помешал.

— Знаешь, это ведь только на год, — успокаивающе сказала я. — Потом будут новые выборы, и ты наверняка станешь Госпожой. Во всяком случае, способности у тебя есть...

— Что ты знаешь о моих способностях, девочка?! Да я сильнее любой природной ведьмы. И этой... новоизбран-

ной тоже. Почему Госпожой всегда становится природная? Что это за дискриминация?!

— Не кричи. Между прочим, я тоже природная ведьма.

Наташа посмотрела на меня с уничтожающим изумлением.

— *Ты?!*

— Тебя это удивляет?

— Да! Меня удивляет, как вы, не знающие даже, что такое Семь путей, Тринадцать знаков и теория Эйнштейна, претендуете на звание ведьм! Вы, никогда не читавшие «*De semina diabolorum*», считаете себя носительницами тайных знаний! Вы, только умеющие варить настойки от поноса и геморроя, мните себя знатоками природного колдовства! Вы...

— Слушай, хватит, а? Я ведь и разозлиться могу!

— Что ты можешь? Что? Не слышу! — торжествующе завопила Наташа и только тут услышала, какая нехорошая вокруг нас образовалась тишина.

— Сестры, у вас проблемы? — осведомился со сцены Козел, поигрывая мобильником.

— Нет, о повелитель! — звонко выкрикнула Наташа. — Просто я вызываю эту женщину на магический поединок! Пусть она докажет, что является настоящей ведьмой!

— Bravo! — заплодировал повелитель, к нему присоединилась остальная аудитория, предвкушая очередное развлечение. — Вы можете начать прямо сейчас. Я разрешаю. На моем шабаше возможно все. Даже поединки.

— Нет! — закричала я. — Я не хочу с нею драться! У меня даже нет Имени, я еще не прошла инициации...

Остатки моих слов потонули в общем хохоте. Они смеялись надо мной, бестолковой, неталантливой ведьмой, неспособной даже ответить на вызов высокомерной гордячки, начитавшейся магических бестселлеров. Я почувствовала, что краснею, как школьница, закурившая в первый раз...

Да. У меня нет настоящей Силы. Я не зубрю магические трактаты и не экспериментирую в области некромантии, заговоров и любовных зелий. Я всегда считала, что могу прекрасно обойтись и без этого. Я даже на шабаш ле-

тала без особого интереса. И теперь я дам себя растоптать первой встречной ведьме-самоучке?!

— Час ведьм, — громко и твердо произнесла я. Это означало, что брошенный мне вызов принят.

Глаза Наташи сверкнули радостью. Похоже, она из тех женщин, которые никогда не упускают самой малейшей возможности поскандалить.

— Оставляю тебе, *природная*, право выбора времени и места, — презрительно сказала она.

— Время я уже назвала, ты плохо слушаешь. А встретимся мы там, где я работаю. Попробуй отыскать меня, *ученая*!

Я встала и свистом подозвала официанта.

— Запишите на мой счет! — приказала я и исчезла, предоставив моей неожиданной сопернице возможность выяснять, где же я обитаю.

После шабаша я всегда появляюсь на работе в подавленном состоянии, заставляя моих дневных коллег строить версии относительно того, чем я занималась всю прошедшую пятницу. Сегодня я с мрачным видом вознамерилась было отправиться в книгохранилище, где меня ожидала неблагодарная работа по ликвидации дублетных экземпляров. Но Леночка из читального зала вдруг сказала:

— Ой, Вика, снимай халат, губы накрась и приходи к нам! У нас сегодня встреча с писателем.

Вот только писателей мне сейчас и не хватало.

— Каким? — вымученно простонала я.

— Фантастом!

— Да что ты говоришь... Ненавижу фантастику.

— Вик, ну приходи, а то у нас половина зала пустует. А он молодой, начинающий, расстроится, подумает, что никому не интересен...

— Ладно, — сказала я. — Но имей в виду, я ему буду задавать каверзные вопросы. Мучить писателей — мое главное хобби.

...Напрасно Леночка сетовала на отсутствие публики. Читальный зал был набит подростками и гудел, как улей в

майский день. Я пристроилась за колонной, огляделась и дернула Леночку за жакет:

— И где этот ваш писатель?

— Вон, смотри, идет!

И действительно, в сопровождении моей помешавшейся на фэнтези коллеги Наденьки и трех обряженных в кольчуги и плащи эльфов из Политехнического института двигался мужчина, с первого взгляда показавшийся мне уменьшенной копией памятника Петру Первому работы Зураба Церетели. Во всяком случае, усы точно были похожи. Писатель уселся за колченогий журнальный столик (столик нервно вздрогнул), эльфы по бокам оперлись на свои магические алюминиевые мечи, а Наденька завела на полчаса высоконаучную речь о значении фэнтези в мировой литературе (в общем) и о значении в мировой литературе творчества Авдея Белинского (в частности).

— Как его зовут?! — шепотом переспросила я Леночку.

— Авдей Белинский. Неужели никогда не слышала? — изумилась та. — Ты вообще хоть что-нибудь читаешь?

К тому, что я сейчас читаю, этот Белинский вряд ли имеет отношение. «Магические изыскания» Дельрио еще никогда не стояли в списке общеизвестных бестселлеров. Но Леночке о том лучше не знать.

— Белинский — это его псевдоним?

— Нет. — Леночка, похоже, уже знала наизусть биографию усатого фантаста. — Он дальний потомок *того самого* Белинского. Между прочим, учился в Литературном институте. Три курса. А потом...

— Отчислили за пьянку и растление молодых сокурсниц?

— Тьфу на тебя! Просто он решил писать фантастику, он этим с детства увлекался.

— И что, получается?

— Вик, ты иногда становишься просто невыносимой. Возьми почитай его романы, они все есть у нас в библиотеке, между прочим. «Стрела с Прозвищем», «Смиранный лендлорд», «Год распутной Инезильи»... Мне нравится его пародия на японские теленовеллы «Братишка из Рая». А еще «Седой хам» и «Мой муж — ангел».

— Да, впечатляет... Хорошее название — залог успеха. А скажи, пожалуйста...

— Вик, дай послушать, а? Человек из Москвы к нам ехал выступать!

— Извини. — Я сама попыталась сосредоточиться на речи московского гостя.

И через некоторое время поняла, что на самом деле он страшно волнуется, боится всей этой горластой аудитории, ненавидит свой парадный костюм от Гуччи и дико хочет курить. Мне стало его жалко. А еще... почему-то захотелось увидеть, какого цвета у него глаза.

Я бесцеремонно протиснулась в первый ряд между двумя увлеченно жующими «Стиморол» пацанами и уселась как раз напротив писателя. Пожалуйста, не думайте, что я принялась сверлить его *особенным* взглядом и доводить до неврастения. Тем более что при ближайшем рассмотрении писатель оказался вполне симпатичным мужчиной несолидного возраста и телосложения. Было в нем то, что я называю интеллигентной хрупкостью (то есть отсутствие бугрящихся под малиновым пиджаком анаболических мышц и нависающего над старыми джинсами пивного живота). Впрочем, внешность для мужчины — не главное. Особенно если учесть, каких представителей противоположного пола мне нередко приходилось встречать. Хотя... У этого потомка неистового критика, кажется, на лбу было написано, что он романтик, помимо прозы грешит стихами, всем видам оружия предпочитает шпагу, а всем видам транспорта — чайный клипер. Цвет его глаз я определила бы как благородно-нефритовый... Хороший цвет. Мне нравится.

Покончив с основными биографическими вехами своей многотрудной творческой карьеры, писатель глотнул минеральной водички и предложил «молодежной аудитории» задавать ему вопросы. Я профессиональным взором окинула зашуршавший бумажками зал. Знаю я их всех, этих подростков, — сплошные прыщи и поллюции... На абонементе коллеги с ужасом рассказывали, что детишки просили им выдать повесть Гоголя «Вечера на хуторе лесбиянки», «Дедку Мирона» итальянского автора

Боккаччо и «Пахом звонит в колокол» американского писателя Хемингуэя... Все рекорды побили «Приключения Гербалайфа», в которые нынешние детки трансформировали «Приключения Гекльберри Финна». Так что какие вопросы они сумеют задать? Даже интересно.

Подняла руку девчонка, я ее неплохо знаю. Точнее, знаю ее читательский вкус. Она просто помешана на мистике, пророчествах, грядущем Армагеддоне и экспансии Чужих на грешную Землю. Она и одета соответственно — на черной майке оттиснуты во всю грудь незабвенные Скалли и Малдер. «О, X-files женщины, нам милой...»

— Скажите, пожалуйста, — строго сведя густые бровки, заговорила девчонка. — Вот вы, писатель-фантаст, пишете о том, чего в жизни быть не может...

Писатель посмотрел на девочку с веселым изумлением, но ничего не сказал...

— А сами вы верите в разные мистические явления?— гнула свою линию девчонка. — В иные миры... И еще: как вы относитесь к пророчествам великих астрологов прошлого? Вы верите, что Нострадамус действительно предсказал все то, что сейчас происходит?

Писатель посерьезнел как-то, подтянулся, будто собрался отвечать урок, и сказал:

— В вашем возрасте я тоже интересовался всем этим, да и сейчас задерживаю внимание на каких-нибудь газетных сенсациях... Но мне кажется, всерьез увлекаться дешевой мистикой не стоит. Я, пожалуй, даже прочту вам стихотворение на эту тему:

Зачем вам этот Нострадамус?
Ужели вы не пострадались,
Слепым пророчеством крутя?
Зачем вам в цифровом обличье
Судьба на глиняной табличке?
Зачем же, милое дитя?!
Что вам пророчества и войны?
Умейте смерти ждать спокойно.
Сумейте жизни не проклясть...
А мудреца в халате драном
Считите просто вусмерть пьяным
И разобиженным на власть...

Стихотворению поаплодировали, «мистическая» девочка покривила губками: мол, много эти писатели понимают. А я подумала, что писатели понимают слишком много. Как он этого лжепророка-то приложил! Тот небось в своем очередном метемпсихозе от злости аж переворачивается...

— Господин Белинский, а над чем вы работаете сейчас?

...Ах ты хитрая нимфетка! Задаешь вопрос дяде-писателю, а сама только и думаешь о том, как он оценит длину того, что ты называешь юбкой. Терпеть не могу таких половозрелых озабоченных девиц. Именно они и летают на шабаши, чтобы всяким козлам отдаваться. А это роняет престиж Ремесла... Но подобные мысли разом вылетели у меня из головы, едва я услышала, что ответил Белинский на вопрос нимфетки.

— Я сейчас пишу роман о ведьме. Ведьме, которая живет в современном мире и способна не только колдовать, но и влюбляться, ревновать, страдать, как обычная женщина. Перефразируя Карамзина, скажу: это будет роман о том, что и ведьмы любить умеют.

По аудитории прокатился понимающий смешок, а я скептически поджала губы. Ишь ты... На что замахнулся. Прямо второй Апдайк!

— Нет, вы представьте, — воодушевился меж тем писатель. — Вот она, ведьма, обладает волшебной силой, может превращаться в кого угодно, знает будущее... И мечтает о том, чтобы выйти замуж за обычного человека, рожать ему детей...

— Что же в этом особенного? — задал вопрос кто-то из галерки.

— А это пока творческая тайна. Скажу только, что за счастье моей героине предстоит здорово бороться со всеми силами Зла.

Ну, молодец. Что нынче за мужик пошел — подавай ему вместо женщины боевую мобильную единицу: чтоб и с конем на скаку, и в избе горящей, и в огороде, и в хороводе. Нет самому бы за меч взяться!

— А почему именно ведьма? — Новый вопрос от дотошных читателей.

Фантаст пожал плечами:

— А почему нет? Для меня ведьма ассоциируется с чем-то стихийно-романтическим. Вспомните булгаковскую Маргариту — сколько страсти! Мне кажется, нашему миру как раз и недостает такой романтики и страсти...

Много ты понимаешь в ведьмах! Интересно, совокупление с демонами ты назовешь страстью? А наведение порчи и составление приворотных зелий — романтикой?! Дилетант!

Я вдруг поняла, что самым натуральным образом злюсь на этого писателя за его непробиваемую наивность. За то, что он никогда не сможет вместе со мной посмеяться над очередной пьяной выходкой какого-нибудь оборотня на шабаше. За то, что он смотрит на мир слишком просто и здраво. Наверняка он и в постели стандартен, как штангенциркуль. И женщин предпочитает соответствующих... Ведьмы? Что ему за дело до ведьм?! Если б он знал ведьм так, как знаю их я...

Если б ты узнал ведьму...

УЗНАЙ МЕНЯ...

Я готова поклясться, что никогда не пользовалась чарами приворота. Никогда не внушала мужчинам быть от меня без ума. И я внутренне ахнула, когда внезапно взгляд Авдея встретился с моим.

А глаза его могут менять цвет...

А глаза ее могут менять цвет...

Если бы он говорил только для меня...

Я говорю только для тебя...

Меня зовут...

Я знаю, Вика...

Откуда?

По-другому и быть не могло.

Я тряхнула головой, пытаюсь отогнать наваждение. Вика, Вика, тебе что, других проблем недостаточно, ты еще и влюбиться решила? Надо думать об инициации, о поединке с ведьмой Наташей, которую мне явно не стоило спасать, а не об...

Авдей.

Странное имя.

А главное, редкое...

Для писателя-фантаста в самый раз...

Черт знает что лезет в голову!

Я встала и, даже не глядя в сторону Авдея, быстро двинулась к выходу. В книгохранилище. Срочно. Если я посмотрю на этого ведьмолога еще хоть пять минут, проблемы будут не только у меня, но и у него. А мне бы этого не хотелось.

Прощай.

В книгохранилище я уселась за стеллажом со старыми подшивками «Вопросов философии» и позволила себе пятиминутную тихую истерику. Мне было о чем поплакать. Точнее, о ком. Я все-таки не только ведьма. Ничто женское мне не чуждо. Ну что случилось бы, если б я дала волю чувству?!

...О, как ты заговорила, прямо любовный роман из серии «Экстаз»! Дать волю чувству... Ничего хорошего из связи стандартного мужчины и ведьмы еще не получалось. В лучшем случае это был развод, а в худшем — донос мужа на жену с последующим сожжением благоверной на костре. Это если взять такую крайность, как брак. А если просто... романтический вечер при свечах...

С ведьмой это не проходит, потому что ведьма умеет видеть мысли (а мысли мужчины считываются так же легко, как заголовки «Спид-инфо»), предугадывать едва оформившиеся желания. И устраивать затяжные ритуальные эротические игры со взглядами, вздохами и двусмысленными фразами ей просто скучно. На собственном опыте знаю.

Чтобы отвлечься от чересчур мрачных мыслей, я взяла в руки потрепанный «Спутник агитатора» и решила почитать его *истинным зрением*. При таком чтении он превращался в «Дайджест магических услуг» с постоянно обновлявшейся рекламой. Иногда стоит поизучать рекламу, это здорово успокаивает нервы и возвращает с небес на грешную землю.

«Алтари для Черной мессы от производителя:

— стационарные

— переносные

- подарочные
- новинка сезона — алтари-компакт!

Огромный выбор аксессуаров (более 665 наименований):

- сушеные органы рептилий
- экскременты млекопитающих
- ядовитые травы и грибы-галлюциногены
- оккультные пособия
- и многое-многое другое!

Оптовикам — специальные цены. По пятницам 13-го — скидка 13%. Для постоянных клиентов — доставка».

Так, ну это мне неинтересно. Посмотрим, что новенького в разделе «Косметические услуги».

«Косметический салон «Боневитць» предлагает широкий спектр услуг:

- операции по купированию хвостов
- опилование рогов
- педикюр копыт.

Специальное стоматологическое предложение для вампиров:

- удаление налета
- наращивание и полировка клыков (гелевая технология)

— устранение трупного запаха изо рта.

Все виды эпиляции для вервольфов.

Работают дипломированные специалисты.

Красота — это страшная сила!»

Нет уж, благодарствую. Что-то я совсем скисла. Частные объявления почитать, что ли...

«Срочный ремонт ступ. Тел. 13-13-13».

«Сперма черного козла. Недорого. Звонить на пейджер...»

«Стильные руки мертвецов и магические свечи из натуральных ингредиентов. Звонить после полуночи...»

«Некромент Вассиан Безрогий, убойный отдел, окажет услуги по поиску сбежавших зомби...»

«Долгожданная моя, откликнись! Страстный, пылкий дракон со всеми удобствами мечтает встретить прекрас-

ную юную девственницу для проведения незабываемого вечера на его территории...»

«Услуги суккуба. Интим не предлагать!»

В хранилище послышались шаги. Я скоренько захлопнула справочник и изобразила бурную деятельность по упаковке макулатуры.

— Вот ты где, — констатировала Леночка. — Почему со встречи ушла? Писатель, между прочим, про тебя спрашивал...

— И что ты ему сказала?

— Сказала, что ты не его поклонница.

— Это правильно.

— Ага. Только он какой-то грустный со встречи ушел. Все, говорит, вечером еду в Москву.

Странная штука — сердце. Как могут в нем уживаться две абсолютно противоречивые эмоции — непонятно.

— Счастливого пути, — только и сказала я.

В общем, день безнадежно испорчен. Хорошо, хоть впереди выходной. Плюну на все, в полночь работать не выйду, отправлюсь в какой-нибудь второсортный бар и буду там пить водку. До умопомрачения. А потом поймаю какого-нибудь мальчика с машиной... Я ведьма, черт побери, и не обязана жить как праведница!

Только моим планам на вечер не суждено было осуществиться. Потому что когда я вышла из библиотеки, то увидела его.

— Давай пойдем куда-нибудь... У вас в городе есть приличные рестораны?

— Ты полагаешь, женщина моей профессии часто их посещает?

...О святая Вальпурга, какое счастье! Он меня дождался! Мне безразлично, что случится впоследствии (если быть предельно откровенной, то не совсем), и я ощущаю за плечами крылья, в душе — симфонию, а в сердце — подступающую тахикардию.

— Почему ты так на меня смотришь?

— Это отражение твоего собственного взгляда.

— Да уж... Сразу понятно, что ты писатель.

— А я еще и поэт.

— С ума сойти! Мне крупно повезло.

Мы пили крымское вино в маленьком шумном ресторанчике «Виктория» и отказывались воспринимать окружающую действительность. На столе в блюдечке плавала свеча (вот, все-таки я докатилась до вечера при свечах!), и мне представлялось детство с его наивным святочным гаданием.

Ряженный, суженый, приходи ко мне ужинать...

— О чем ты задумалась, Вика?

— О тщете всего сущего...

— О чем?!

— Извини. Налей мне еще вина. Ты не опоздаешь на поезд?

— Нет. В смысле, я никуда не поеду.

Ага. Куда бы мне засунуть свое предвидение, а?

— Уверен?

— Да. Думаю, с гостиницей сложностей не будет...

Это что же, мне, скромной женщине интеллигентной профессии, самой делать первый шаг? Хитрый какой! И не надейся даже...

— А зачем гостиница, — говорю я в пространство и залпом допиваю вино.

Мы не зажигали светильников, постель нашли на ощупь, опрокинув по дороге пару стульев и старинный индонезийский кувшин с журнального столика.

— Какие тонкие у тебя руки... Смотри, сквозь них просачивается лунный свет. Ты похожа на фею.

— А ты видел фей?

— Нет, только читал.

— На самом деле они жу-у-у-ткие уродки, можешь мне поверить.

— Верю безоговорочно. Иди ко мне. Ну, пожалуйста...

— Неужели ты еще не устал?

Вместо ответа он притягивает меня к себе, и я закрываю глаза, чтобы не видеть, как в глубине его зрачков вспыхивает огонь. Я почему-то стала бояться огня.

Небо — первое впечатление
После той бесконечной тьмы...

Как я жил в таком отдалении
От тебя, земли и зимы?

Да, я жил на каком-то острове,
Вероятно, созданном мной.
Там нелепое все и пестрое,
Как бывает поздней весной...

Просыпаться на плече внезапно ставшего бесценным человека и вслушиваться, как он шепчет стихи, — немыслимая, по моим понятиям, роскошь. Это со мной?

Что я натворила...

И зачем?

И что будет дальше?

Я лежу, всеми ресницами изображая крепкий здоровый сон, а сама стремительно прокручиваю в голове варианты наших дальнейших отношений.

Вариант 1. «Дорогая (дорогой), нам было так чудесно вдвоем, я никогда не забуду этого. Но прости, дела, нам надо расстаться. Пиши, звони (напишу, позвоню)». Дерьмо!

Вариант 2. «Дорогая, у меня никогда не было такой женщины, то-се, но, понимаешь, у меня пятеро детей и жена, хоть я ее и ненавижу...» От продолжения тошнит.

Вариант 3. «Дорогая, ты великолепна, и я без ума от твоей фигуры, но я не создан для блаженства, его чужда душа моя...» Правдоподобно, но очень уж стандартно.

Вариант 4. «Дорогая, умоляю на коленях: будь моей женой! Если ты откажешь, я похороню себя в ближайшем монастыре, а согласишься — буду счастлив до конца дней своих. Так я бегу за кольцами?...» Вы в это верите? Я тоже не верю.

И вариант последний, на мой взгляд наиболее реальный. Отпустить его. Стереть из его памяти события прошедшей ночи (уж это-то мне по силам, заклятие Мемории я частенько использовала, чтобы начальство не приставало по пустякам). И он уедет, свято убежденный в том, что после встречи с литературными фанатами проскучал весь вечер в гостиничном номере перед телевизором. И никог-

да не узнает ведьму Вику...Никогда не полюбит. Потому что ведьму нельзя любить.

А как я буду жить без него?..

Здесь есть странные птицы Божии,
Что не сеют, не ткут, не жнут.
Здесь луна золотистой кожицей
Затянула уснувший пруд.

По ночам я брожу среди запахов
Тех цветов, что цветут во сне.
Я восток здесь путаю с западом,
Что до этой разницы мне!

Я люблюсь беспечной силою
Красоты, меня взявшей в плен...
Это вовсе не сказка, милая,
Это все мне — тебя взамен.

Нормальные женщины в таких случаях пускают слезу и горodyт нечто сентиментальное. Но мне это запрещено. Я открываю глаза.

— А я знал, что ты уже не спишь, — говорит Авдей.

Объясните, пожалуйста, грозная ведьма Вика, куда подевалась ваша решимость? Почему вы теряетесь, как девочка, и смотрите влюбленным взором на мужчину, с которым решили расстаться?

— Подглядывал за мной, да? — беззлобно ворчу я.

— Интересно было наблюдать, как ты напряженно о чем-то думала. Прямо-таки глобальные проблемы решала...

Ты и не представляешь, милый, до какой степени ты прав.

— Тебе показалось. — Я улыбаюсь. Легко и открыто. Есть у меня такая специальная улыбка — полгода тренировки перед зеркалом сделали ее неотразимой. — Я хочу гулять. Весь день.

— Ну, как угодно...

— Я поведу тебя по городу, он старый, но красивый. Мы заберемся в крепость, там прямо в древних башнях выставлено всякое оружие — мечи, шпаги, алебарды... Рыцари средневековые гуляют. Так забавно! Тебе понравит-

ся... А еще мы обязательно пойдем в парк, там такие кони, я люблю кататься, мы возьмем коляску и поедем, как чопорные англичане... — Я тараторю все это, стремительно одеваясь, мечась по комнате вихрем, не давая ему и рта раскрыть. А он растерянно сидит на кровати, похожий на усталого скворца. Вот только жалости нам еще и не хватало...

— Вика...

— Что? — Я роняю тушь, и она закатывается под кровать. Черт с ней, так и пойду с одним ненакрашенным глазом. — Что?

— Скажи, зачем тебе это нужно?

Хороший вопрос, что бы он ни означал.

— О чем ты, Авдей?

— Тебе было плохо со мной? Ты скажи... Мне просто кажется, будто ты хочешь от меня избавиться...

В твоих же интересах, любимый, в твоих же интересах!

— Нет, все не так, Авдей. Поверь мне. Пока. И пожалуйста... давай все-таки пойдем гулять.

А я и не замечала, что в городе наступила весна!..

Можно сказать, я вообще не замечала этого города. Мне были безразличны его дневные грязные улицы, украшенные рекламными щитами — плодом творчества дизайнера с алкогольной зависимостью. Мне были чужды толпы суетливых и озлобленных людей, вечно спешащих, хмурых и хронически усталых. Просто я знала, что дневное уродство — расплата за ночную роскошь и красоту. Ночами я наблюдала этот город *истинным зрением*, и он становился разным в зависимости от того, какой зодиакальный знак главенствовал на небе. Овен погружал город в пьянящую истому карнавалов и фейерверков, которые устраивали духи огня. Рыбы начинали сезон дождей, и тогда из водосточных труб высывались лукавые мордочки маленьких русалок, а в городском фонтане на главной площади плескался пузатый водяной, похожий на розового тюленя... А Дева приводила с собой целый взвод вампиров, коим был присущ элегантный декаданс. Среди

ветвей тополей и каштанов зажигались ароматические свечи. А наследники графа Дракулы декламировали Бодлера и Эдгара По, сидя на крышах многоэтажек, и однажды даже поставили спектакль в развалинах недостроенного драматического театра. Ставили, между прочим, «Синюю птицу» Метерлинка, что свидетельствует о неуклонном повышении интеллектуального и эстетического уровня современных упырей.

Но такого Авдею не увидеть. Он создан для солнечного света, для дневных, обыденных человеческих радостей. Что, впрочем, тоже немало. Разве этого мало — видеть весну?

Мы удалялись из современного, блестящего супермаркетами центра в глушь застроенных деревянными домиками улочек, осененных благодатью зазеленевших вишневых садов. Здесь царила патриархально-самоварная обстановка, пахло свежеиспеченными блинами, кудахтали куры, худые взлохмаченные козы оценивающе смотрели нам вслед... Авдея это веселило: как всякий квартирный московский человек, он полагал, что вся земля уже заасфальтирована и подключена к сети Интернет.

— Зачем ты сюда меня потащила? — влюбленно улыбаясь, вопрошал он.

— Эти улицы для меня связаны с... искусством, — говорила я. В действительности здесь жили три сестры-ворожеи, у которых я долго училась основам травознательства. И, идя среди провинциальной тишины, я стремилась созреть для заклятия. Хотя в глубине души осознавала, что просто оттягиваю время. Бессмысленно и бесполезно. Авдей должен меня забыть. И забудет!

Потом мы гуляли в старой крепости, оставшейся от городских первопоселенцев. Надо сказать, первопоселенцы постарались на совесть, выстроив эти мощные стены с узкими бойницами, круглыми угловыми башнями, крутыми лестницами. Из старой кладки пробивались бледные стебельки мать-и-мачехи, в Тайницкой башне гулял весенний ветер, шевелил обертку от «Сникерса»...